

9. *Turgenev, I.S. Nov' [Virgin Soil]. / I.S. Turgenev. - Moscow: Direct Media, 2012. 314 p. (in Russian). Available at: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=8843> (Accessed: 10.03.2020).*

10. *Turgenev, I.S. Otsy i deti [Fathers and Sons]. / I.S. Turgenev. Moscow: Direct Media, 2010. 227 p. – (A reader in school literature, grades 10–11). (in Russian). Available at: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=8844> (Accessed: 10.03.2020).*

11. *Turgenev, I.S. Povesti i rasskazy [Tales and Stories]. / I.S. Turgenev. Moscow: Direct Media, 2010. 1824 p. (in Russian). Available at: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=8846> (Accessed: 10.03.2020).*

УДК 82.01/09

МНОГОГРАННОСТЬ ЖАНРА РОМАНА С.П. ЗАЛЫГИНА «КОМИССИЯ»

Филиппова Светлана Викторовна
кандидат филологических наук,
заведующая кафедрой филологии,
заведующая сектором заочного обучения
Тамбовской духовной семинарии
E-mail: 234888@mail.ru

Для цитирования: *Филиппова, С.В.* Многогранность жанра романа С.П. Залыгина «Комиссия» // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. – Тамбов, 2020. – № 1 (10). – С. 197–209.

Аннотация

Статья посвящена вопросу изучения жанрового своеобразия романа С.П. Залыгина «Комиссия». Исследуя идейно-композиционную структуру, опираясь на труды известных литературоведов, деятелей науки и искусства, автор статьи анализирует многочисленные высказывания – предположения в отношении разновидностей жанра романа. В заключение сделан вывод о том, что «Комиссия» не только опирается на опыт мировой литературы и общественной мысли, но и отражает индивиду-

ально-авторское видение природы и человека, национально-психологическую специфику преломления утопических идей и взглядов русского человека.

Ключевые слова: С.П. Залыгин; роман «Комиссия»; жанрово-стилевая система; экологическая тематика; натурфилософия; сказ; утопия.

Название романа «Комиссия» (1975), по мнению его автора, «может быть, и не очень литературное, но <...> точное, потому что речь идет действительно о лесной комиссии, созданной мужиками для охраны ленточного бора, и потому, что комиссия – это еще и в смысле назначения человека, в смысле поставленной им перед собой задачи – тоже звучит» [5, с. 124]. «Комиссия» как «задача», ответственность актуализирует то значение слова, которое было представлено еще в комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума»: «Что за комиссия, Создатель, быть взрослой дочери отцом!» «Задача» романа, как и его героев и его автора, является предельно ответственной: уберечь природу от разорения человеком, уберечь человека от разорения природного в нем самом и ответить на вопрос, может ли человек выстроить гармонические отношения с природой?

Автор романа, являясь профессиональным писателем, ученым, специалистом-гидрологом, знатоком экологических процессов и проблем, исходя из научного, философского знания, этических оценок, создает сложное художественное единство литературного произведения. Гармоническое единство логического и художественного, имеющее место в залыгинской «Комиссии», во многом объясняется установкой самого автора: «"Комиссия" – это роман образов, как и большинство из того, что я пишу. Для меня литература всегда была мышлением в образах. Это определение я принимаю, ему я и служу. Мышление живет вместе с человеком» [5, с. 127].

Роман «Комиссия» возник на основе документальных материалов реальной лесной комиссии, найденных автором в период работы над романом «Соленая Падь» (1968). Сам Залыгин вспоминал об этом так: «Работая над романом „Соленая Падь“, изучая множество материалов, я наткнулся на протокол такой вот Лесной комиссии. Сначала у меня была глава в этом романе, посвященная лесу. <...> Но потом я почувствовал, что глава эта в романе у меня

как бы лишняя что ли. Так что в окончательный вариант „Соленой Пади“ (материалы лесной комиссии. – Ф. С.) не вошли. <...> Много лет спустя я подумал, что, наверное, надо бы эту главу восстановить, написать небольшую повесть. Но, как говорят, “лиха беда – начало ...” Стал писать повесть – получился роман» [18, с. 5].

Этот эпизод – свойство стиля С. Залыгина. Он вновь возвращается к мотиву, детали, сюжету, уже однажды задействованному отчасти в каком-либо произведении. Это свойство сохранится и в позднем творчестве С. Залыгина. В «Комиссии» Кудеяр сокрушается о смерти царя, предсказывает, что за его смертью последует гибель всего крестьянства. Правда, в «Комиссии» Кудеяр отвергнут героями, над ним иронизирует и автор. Через 21 год, в 1996 году, из-под пера Залыгина выходит «экспериментальный» (как вся русская история, по мнению писателя) роман «Свобода выбора». Жизнь царя Николая II в связи с судьбой России становится в романе предметом размышления писателя. А мысль о возможной гибели уже целого народа, гибели, как следствия однажды совершенного трагического свободного выбора, становится в романе лейтмотивной.

Произрастая из жизненного опыта и документальных материалов, натурфилософия писателя, облекаясь в художественную, а иногда и в публицистическую форму, стала своеобразным призывом к «экологической этике», «природному разуму». Заслуживает особого внимания высказывание И. Деткова, исследователя творчества Залыгина: «Художник хочет понять свое время и свое общество не только как данность, открытую ему в опыте, а как результат развития и роста, как нечто „генетически“ обусловленное и едва ли не по всем „пунктам“: от психологии человека до обычаев и традиций всего народного общежития, от бытового, семейного уклада до уклада экономической и общественной жизни» [4, с. 14].

Художественный мир романа С. Залыгина «Комиссия» – яркий образец природной жизни, где сообщество людей, животные, растения сосуществуют гармонично в одном относительно замкнутом пространстве – Лебяжке, объединенном духовно-эстетическими идеалами, высокой целью сохранить гармонию отношений человека и природы.

Роман не однажды подвергался анализу в литературной критике, однако особенного внимания заслуживает вопрос о жанровой

специфике «Комиссии». Одним из первых о жанре романа «Комиссия» высказался критик А. Бочаров. Он справедливо заявил, что «Комиссия» – «роман-диспут» [2, с. 37]. В этом плане «Комиссия» продолжила диалогическую структуру «Соленой Пади». Там столкновение идей радикала и догматика Брусенкова со здравомыслящим Мещеряковым составляет композиционную основу романа. В «Комиссии» тоже диалог, дискуссия, диспут приобретают форму доминирующего в структуре романа полилога, когда в споре участвует множество лиц, защищающих свою «правду».

Заметим в свою очередь, что самый главный из дискутируемых в «Комиссии» вопросов – вопрос натурфилософский: может ли и должен ли человек устраивать свою жизнь в соответствии с законами природы? Неравнодушная постановка этого вопроса в диалогах и монологах, в описаниях и повествовании отделяет роман Залыгина от других произведений деревенской прозы (рассказов, повестей, романов В. Шукшина, Ф. Абрамова, В. Белова), но сближает его с натурфилософским течением внутри прозы «деревенщиков» (В. Астафьев, В. Распутин).

Однако такое определение жанра романа (роман-диспут) не могло быть исчерпывающим. Другие исследователи творчества Залыгина внесли в определение жанра «Комиссии» свои коррективы, выявившие и неожиданные аспекты авторского замысла. Не отрицая присутствия диалогического начала в структуре романа, В. Ковалев видит в нем средоточие народных стремлений, готовность народа «практически начать осуществление вековых идеалов правдоискательства» [7, с. 128]. Здесь нет прямого упоминания утопической тенденции, но в сущности она подразумевается в «вековых идеалах правдоискательства». Другое дело, что литературовед не квалифицирует их (в жестких условиях эпохи реализации утопического проекта) как утопические. В.А. Ковалев, не используя для характеристики жанра «Комиссии» понятия «утопия», заостряет внимание на историческом аспекте залыгинского романа. Обращая внимание на созданную Залыгиным модель социального устройства, он видит в «Комиссии» «самозарождение нового, подлинного народовластия. Мелкий, частный факт из жизни отдаленного от центров села отразил в себе закономерности истории человечества в начале XX века» [7, с. 128]. Таким образом, косвенно (через «подлинное народовластие») еще

раз подчеркивается связь романа Залыгина с развитием утопического дискурса общественного сознания.

В. Саватеев в своем убеждении близок к позиции А. Бочарова, считая, что «Комиссия» – «роман-исследование. Это еще и роман-диалог, роман-спор» [13, с. 31]. Тем самым подчеркивается логическое, восходящее к научному знанию, жанрообразующее начало романа. Литературовед мотивирует свое мнение тем, что споры герои «Комиссии» ведут как друг с другом, так и с самими собой. В то же время В. Саватеев отмечает, что «концепция романа “Комиссия” самобытна и органична в своем художественном воплощении» [13, с. 32].

Интересно, что критик И. Дедков мотивирует несогласие с А. Бочаровым иными доводами. Он считает, что подобное «приходование» произведений мало что дает для выяснения их смысла и идейно-художественной состоятельности. По утверждению Дедкова, «диспуты» в романе выполняют специальную функцию, а уточняющим заключением критика является утверждение, что в романе диспуты – «это специально устроенные разговоры, публичное столкновение мнений, горячение ума. Споры, исповеди, пророчества, одинокое устиновское томление мысли у Залыгина – это вынужденная жизнью попытка людей самим во всем разобраться и самим собою править» [4, с. 254–255].

Наиболее интересным в этом отношении представляется сформулированный еще в 1981 году взгляд В.А. Сурганова. Критик утверждает мысль о том, что Лебяжка похожа на лабораторию, где интересующее автора «социально-психологическое явление представало бы в максимальной “чистоте”» [15, с. 438]. Это подчеркивает исключительность и экспериментальной структуры романа, и его жанровой модификации.

Позиция А. Нуйкина в этом смысле может быть дополняющей и полемической по отношению к уже охарактеризованным ранее точкам зрения. Он считает, что «Комиссия» – «это одновременно и роман-притча, и роман-сказ, и роман романтической мечты и веры» [11, с. 604]. В этом определении обоснованно подчеркивается функция фольклорных, в том числе и легендарно-утопических, вкраплений, роль религиозной образности и проблематики.

В.И. Коробов и А.И. Овчаренко близки в своих позициях по отношению к определению специфики жанра романа, называя «Ко-

миссию» соответственно – энциклопедией русской крестьянской жизни [10, с. 83]. Действительно, многоплановая композиция романа Залыгина живописно и достоверно воспроизводит исторические события, обстановку, характеры, быт, нравы, традиции провинции начала XX века. В связи с этим обращает на себя внимание и иной важный аспект: роман проникнут размышлениями о «мире» социальном и вместе с этим повествует о практических действиях, направленных на защиту природного мира и его сохранение, что актуально и для современности и возможно будущего.

Вопрос о жанре «Комиссии» получил аргументированное изложение в диссертационных исследованиях Н.Р. Скалона и Е.В. Тихомировой. Н.Р. Скалон настаивает на принципиальной жанровой новизне произведения: «Новое жанровое качество „Комиссии“ обусловлено исходной авторской мыслью, в которой особо важен гносеологический аспект. Искомый закон жизни претворяется в сюжетно-композиционной структуре произведения, “опредмечивается” в ней» [14, с. 14–15]. Интересно здесь то, что гносеология представляет собой традиционно ту часть философского знания, которая занимается законами познания мира и человека. Н.Р. Скалон, таким образом, в унисон с цитированными критиками подчеркивает соединение в «Комиссии» научного и художественного элемента, синтеза науки и искусства. Он утверждает: «Поиск героями универсального „закона жизни“ словно детерминирован не автором, а грандиозными историческими событиями, вызвавшими потребность в глубочайшем осмыслении жизни, в реализации социальной и духовной гармонии» [4, с. 8]. Действительно, гармония в романе выступает как неотъемлемый компонент целостности. Н.Р. Скалон подчеркивает: «Повествовательная форма „Комиссии“ – сказ» [14, с. 6]. Его новаторское использование в «Комиссии», справедливо утверждает литературовед, в том, что С. Залыгин «создает художественные условия, при которых герои, чей социальный статус и образовательный ценз, казалось бы, лишает их самой возможности глубоких интеллектуальных обобщений, тем не менее, изображены людьми не просто думающими, но мыслящими, философствующими» [14, с. 15]. Исходя из этого наблюдения, Н.Р. Скалон заключает, что условность в романе предстает художественно мотивирован-

ной. Он считает такого рода мотивацию специфическим признаком философского романа.

Интересна точка зрения В.В. Виноградова, на которого не однажды ссылаются исследователи «Комиссии». Литературовед, отмечая философию мироустройства, акцентирует внимание на распространенность в романе жанра сказки, легенды, предания, сказа. За понятием «сказ» он видит «реальность индивидуально-художественных построений», «художественную имитацию монологической речи, которая, воплощая в себе повествовательную фабулу, как будто строится в порядке ее непосредственного говорения». «Комиссия» наглядно подтверждает, что «формы сказа открывают широкую дорогу причудливым смещениям разных диалектных сфер с разными жанрами письменной речи» [3, с. 49]. На наш взгляд, сказовая манера повествования в романе выполняет значительную поэтическую функцию. Но писателю, вероятно, нужна не «языковая структура сказа, а лишь его атмосфера» [3, с. 51]. Целью такой стилизации становится рождение и утверждение в романе легендарно-сказочного повествования.

Жанровая специфика «Комиссии» обусловлена и социально-историческим контекстом. Писатель изображает природную реальность прошлого для сопоставления ее с реальностью настоящего и грядущего будущего, понимания, социально-этических задач, стоящих перед обществом. О специфике писательского почерка С.П. Залыгина Н.Р. Скалон пишет: «Создатель идет не от жизни к идее, а, напротив, от идеи к жизни» [14, с. 15].

В диссертационном исследовании Е.В. Тихомировой проводятся параллели между залыгинским романом и другими литературными жанрами, утверждается, что Залыгин продолжает традиции «синтетичного» в жанровом плане русского философского романа» [17, с. 8]. Исследовательница отмечает особую объективность и «стереоскопичность» залыгинского подхода.

Литературовед А.Е. Ильяш считает, что «роман „Комиссия“, вбирая опыт классического романа, предстает как жанр, в основе которого лежит новая художественная концепция мира и человека» [6, с. 20]. А.Е. Ильяш видит глубинную сущность «Комиссии» в призыве к «природному разуму». Такие противоречивые и вместе с тем дополняющие друг друга мнения подтверждают явную многогранность специфики жанра залыгинского романа.

Исследователь Л.Ф. Ершов полемически утверждает, что у Залыгина «природное начало трактуется не в натурфилософском, а социально-этическом, психологическом разрезе. Не столько собственно экологические проблемы решаются художником, сколько вопросы человеческого бытия, судьба не универсума (как было у натурфилософов), но социума» [9, с. 21]. Следует заметить, что такое противопоставление проблем натурфилософских, социальных и онтологических представляется не вполне корректным. Залыгинские герои не мыслят своего бытия вне природы, его цель – гармонизировать закон природный с законом социума.

В. Байтц, обращая внимание на «легко обозримую площадь действия» и относительность спокойствия в романе, подчеркивает, что сюжет романа имеет строго очерченный и в то же время «открытый» характер. Важно отметить интересное его замечание: «Действие разворачивается в исключительных, экспериментальных условиях, а смысл этого эксперимента ведет наши мысли и чувства далеко за пределы данного случая и времени – в центр процессов формирования и укрепления новой, социалистической общественности и соответствующего типа “общественного человека”» [1, с. 35].

Л.А. Теракопьян, как бы поддерживая предыдущее мнение, уточняет: «Неизменная цель залыгинских экспериментов заключается именно в том, чтобы углубить представления о человеке, о взаимоотношениях личности и общества, выявить закономерности жизни, ее поступательного движения» [16, с. 166.].

И.М. Куликова не без оснований считает, что «мотив гармонии мира и человека определяет смысл всех духовных поисков героя писателя, в процессе философо-этических исканий героями С. Залыгина найдены и сформулированы важнейшие идеологические истины» [8, с. 113].

Изложенного выше достаточно, чтобы сделать важные выводы. «Комиссия» С.П. Залыгина является сложным по жанру произведением натурфилософской проблематики. Мнения критиков и литературоведов не отрицают, а предполагают и констатируют присутствие в структуре романа элементов, которые могут и должны быть соотнесены с литературной утопией.

Проведенное исследование жанра и композиции романа в утопическом ракурсе позволяет утверждать, что «Комиссия» представляет собой природную утопию, так как «содержит в себе яв-

ные утопические идеи, образы, мотивы, характерные для этого жанра» [19, с. 20]. Следует заметить, что в традиционной, патриархальной крестьянской организации отношений между людьми, между человеком и природой С.П. Залыгин видит путь к решению социальных и экологических проблем. «Природная» утопия, гармония в природе, по мысли Залыгина, должны стать и становятся в «Комиссии», своеобразным идеальным «модусом бытия», образцом организации общественной жизни.

Роман С.П. Залыгина «Комиссия» вобрал в себя ценнейший опыт литературы и общественной мысли, отразил индивидуально-авторское видение природы и человека, национально-психологическую специфику преломления утопических идей и взглядов русского человека. Исходя из многогранности, проблематики, жанрово-стилевой системы романа, следует заключить, что «Комиссия» представляет собой образец, близкий произведениям русской словесности, и является значительным вкладом в историко-документальную и этико-философскую традиции великой русской литературы.

Список литературы

1. *Байтц, В.* Активный герой, структура реальности, «Время» и «Пространство» // Современный советский роман. Философские аспекты / В. Байтц. – Л., 1979. – С. 30–35.
2. *Бочаров, А.* Время кристаллизации / А. Бочаров // Вопросы литературы. – 1976. – № 3. – С. 37–39.
3. *Виноградов, В.В.* О языке художественной прозы. Избранные труды / В.В. Виноградов. – М., 1980. – 360 с.
4. *Дедков, И.А.* Сергей Залыгин. Страницы жизни, страницы творчества / И.А. Дедков. – М.: Современник, 1985. – 431 с.
5. *Залыгин, С.П.* «Вы по-настоящему трудились...» Мнение автора романа / С.П. Залыгин // Театр. – 1986. – № 8. – С. 119–124.
6. *Ильяш, А.Е.* Традиции русской литературной классики и творчество С.П. Залыгина / А.Е. Ильяш. Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 – Одесса, 1982. – 26 с.
7. *Ковалев, В.А.* Путешествие в известное // Современный советский роман. Философские аспекты / В.А. Ковалев. – Л., 1979. – С. 125–128.

8. *Куликова, И.М.* Судьба современной женщины в творчестве С. Залыгина 70-х годов / И.М. Куликова. Автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 – Л., 1986. – 19 с.
9. *Ершов, Л.Ф.* Современная социально-философская проза (1970–80-е годы) / Л.Ф. Ершов. – Л., 1989. – 32 с.
10. *Коробов, В.* Солнце правды / В. Коробов // Литературная Россия. – 1978. – 31 марта. – С. 3–6.
11. *Нуйкин, А.* Энергия творчества // Залыгин С.П. Три пункта бытия: Роман. Повесть. Рассказы / А. Нуйкин. – М., 1988. – 344 с.
12. *Овчаренко, А.И.* Большая литература. Основные тенденции развития советской художественной прозы 1945–1985 годов. Шестидесятые годы / А.И. Овчаренко. – М., 1985. – 446 с.
13. *Саватеев, В.* Герои революции – творцы истории // Познание и утверждение / В. Саватеев. – М., 1980. – 317 с.
14. *Скалон, Н.Р.* Становление философского романа в творчестве С. Залыгина: к типологии жанра / Н.Р. Скалон. Автореф. дис. ... канд. филол. наук :10.01.01 – М., 1984. – 16 с.
15. *Сурганов, В.* Человек на земле / В.А. Сурганов. – М., 1981. – 624 с.
16. *Теракопян, Л.А.* Параллели и пересечения / Л.А. Теракопян. – М., 1984. – 366 с.
17. *Тихомирова, Е.В.* Творчество С.П. Залыгина: философские аспекты / Е.В. Тихомирова. Автореф. дис. ... канд. филол. наук :10.01.01– Горький, 1989. – 17 с.
18. Чтобы связь не оборвалась. Беседа писателей С. Залыгина, В. Распутина, В. Астафьева // Литературное обозрение. – 1981. – № 9. – С. 3–5.
19. *Филиппова, С.В.* Утопический вектор натурфилософской прозы С. Залыгина 1970–1990-х годов / С.В. Филиппова. Автореф. дис. ... канд. филол. наук :10.01.01– Тамбов, 2007. – 22 с.

UDC 82.01/09

**THE VERSATILITY OF GENRE IN
S.P. ZALYGIN 'S NOVEL COMMISSION****Svetlana V. Filippova**

PhD in Philology,

Head of the Philology Department,

Head of the Extramural Studies Division

Tambov Theological Seminary

E-mail: 234888@mail.ru

For citation: *Filippova, S.V.* The versatility of genre in S.P. Zalygin's novel Commission // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. Tambov, 2020, no. 1 (10), pp. 197–209. (in Russian)

Abstract

The article is devoted to the study of the genre originality of the novel Commission by S.P. Zalygin. Exploring the ideological and compositional structure, relying on the works of famous literary critics, scientists and artists, the author of the article analyzes numerous statements and assumptions about the varieties of the novel genre.

The author comes to the conclusion that the Commission is not only based on the experience of world literature and public thought, but also reflects the author's individual vision of nature and man, the national psychological specifics of the refraction of utopian ideas and views of the Russian person.

Keywords: S. P. Zalygin; the novel Commission; genre and style system; environmental themes; natural philosophy; fairy tale; utopia.

References

1. *Bayts, V.* Aktivnyi geroi, struktura real'nosti, «Vremya» i «Prostranstvo» [Active hero, structure of reality, «Time» and «Space»]. // Modern Soviet novel. Philosophical aspects / V. Bayts. – Leningrad, 1979. pp. 30–35. (in Russian)
2. *Bocharov, A.* Vremya kristallizatsii [Time of crystallization]. / A. Bocharov // Issues of literature. 1976, no. 3, pp. 37–39. (in Russian)

3. *Vinogradov, V.V.* O yazyke khudozhestvennoi prozy. Izbrannye trudy [On the language of fiction. Selected Works]. / V.V. Vinogradov. Moscow, 1980. 360 p. (in Russian)
4. *Dedkov, I.A.* Sergey Zalygin. Stranitsy zhizni, stranitsy tvorchestva [Sergey Zalygin. Pages of life, pages of creative activity]. / I.A. Dedkov. Moscow: Sovremennik, 1985. 431 p. (in Russian)
5. *Zalygin, S.P.* «Vy po-nastoyashchemu trudilis'...» Mnenie avtora romana [«You really worked...» Opinion of the author of the novel]. / S.P. Zalygin // Theater. 1986, no. 8. pp. 119–124. (in Russian)
6. *Ilyash, A.E.* Traditsii russkoi literaturnoi klassiki i tvorchestvo S.P. Zalygina [Traditions of Russian classical literature and S.P. Zalygin's creative activity]. / A.E. Ilyash. Abstract of Cand. Sci. (Philology) Dissertation: 10.01.01 – Odessa, 1982, 26 p. (in Russian)
7. *Kovalev, V.A.* Puteshestvie v izvestnoe [Journey to the known]. // Modern Soviet novel. Philosophical aspects / V.A. Kovalev. Leningrad, 1979, pp. 125–128. (in Russian)
8. *Kulikova, I.M.* Sud'ba sovremennoi zhenshchiny v tvorchestve S. Zalygina 70-kh godov [The fate of a modern woman in the works by S. Zalygin of the 1970^s]. / I.M. Kulikova. Abstract of Cand. Sci. (Philology) Dissertation: 10.01.01 – Leningrad, 1986. 19 p. (in Russian)
9. *Ershov, L.F.* Sovremennaya sotsial'no-filosofskaya proza (1970–80-e gody) [Modern socio-philosophical prose (1970^s – 80^s)]. / L.F. Ershov. Leningrad, 1989. 32 p. (in Russian)
10. *Korobov, V.* Solntse pravdy [The Sun of Truth]. / V. Korobov // Literary Russia. 1978, March 31. pp. 3–6. (in Russian)
11. *Nuykin, A.* Energiya tvorchestva [Energy of creativity]. // Zalygin S.P. Three points of being: Novel. Novelette. Stories / A. Nuykin. Moscow, 1988. 344 p. (in Russian)
12. *Ovcharenko, A.I.* Bol'shaya literature. Osnovnye tendentsii razvitiya sovetskoi khudozhestvennoi prozy 1945–1985 godov. Shestidesyatye gody [Great literature. The main trends in the development of Soviet fiction in 1945–1985. The sixties]. / A.I. Ovcharenko. Moscow, 1985. 446 p. (in Russian)
13. *Savateev, V.* Geroi revolyutsii – tvortsy istorii [Heroes of the revolution are the creators of history]. // Poznanie i utverzhdenie / V. Savateev. Moscow, 1980. 317 p. (in Russian)
14. *Skalon, N.R.* Stanovlenie filosofskogo romana v tvorchestve S. Zalygina: k tipologii zhanra [The formation of a philosophical novel in

the works by S. Zalygin: to the typology of the genre]. / N.R. Skalon. Abstract of Cand. Sci. (Philology) Dissertation: 10.01.01 – Moscow, 1984, 16 p. (in Russian)

15. *Surganov, V.* Chelovek na zemle [Man on the Earth]. / V.A. Surganov. Moscow, 1981, 624 p. (in Russian)

16. *Terakopyan, L.A.* Paralleli i peresecheniya [Parallels and intersections]. / L.A. Terakopyan. Moscow, 1984, 366 p. (in Russian)

17. *Tikhomirova, E.V.* Tvorchestvo S.P. Zalygina: filosofskie aspekty [S.P. Zalygin's literary activity: philosophical aspects]. / E.V. Tikhomirova. Abstract of Cand. Sci. (Philology) Dissertation: 10.01.01 – Gorky, 1989, 17 p. (in Russian)

18. Chtoby svyaz' ne oborvalas'. Beseda pisatelei S. Zalygina, V. Rasputina, V. Astaf'eva [So that the connection does not break. Conversation with writers S. Zalygin, V. Rasputin, V. Astafiev]. // Literary Review. 1981, no. 9, pp. 3–5. (in Russian)

19. *Filippova, S.V.* Utopicheskii vector naturfilosofskoi proy S. Zalygina 1970–1990-kh godov [Utopian vector of S. Zalygin natural philosophical prose of the 1970^s–1990^s]. / S.V. Filippova. Abstract of Cand. Sci. (Philology) Dissertation: 10.01.01 – Tambov, 2007. 22 p. (in Russian)